

Мрибуна молодого журналиста

№8(70)
№2
ноябрь
2006



Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

Одна из главных театральных новинок 2006 года — премьера балета Прокофьева «Золушка» на Новой сцене Большого театра. Балетный шедевр, долгие годы отсутствовал на московской сцене и теперь вернулся в новой постановке бывшего солиста-танцовщика ГАБТа Юрия Посохова. Эта значительная работа — далеко не первый его опыт в качестве хореографа и, судя по реакции публики, опыт очень удачный. Либретто балета, принадлежащее композитору, оказалось полностью переосмыслено, но совсем не в сторону осовременивания сюжета, как можно было ожидать. Новое либретто рождено глубокой, искусствоведческой в сути своей идеей — на фоне сказочной канвы подчеркнуть особую роль сочинения в жизни самого Прокофьева.

Источником всех чудес и самой сказки здесь является не фея, а Сказочник, живущий на маленькой планете

СКАЗОЧНИК И ПТАШКА

(планета на сцене очень красива!) со своей помощницей Пташкой, зачитываясь новой сказкой, перевоплощается в Золушку. Костюм Сказочника — круглые очки, желтый шарфик, клетчатый пиджак — не оставляют сомнений в том, что перед нами Прокофьев собственной персоной. Имя же героини —



Пташка — ласковое обращение композитора к первой жене Лине. Именно военные

и послевоенные годы, когда создавался балет — самые трагические страницы ее жизни. Такое прочтение сю-

жета, его подтекст заставляет слушателя гораздо более глубоко и почти трагически пережить идеальную, светлую и интимную лирику Adagio и вальсов, грустную улыбку комических сцен.

Кроме этой сюжетной нити, о которой кто-то из зрителей может и не знать, раскрытию музыки способствуют многие сценические и хореографические находки, а также экономное, изобретательное

использование декораций (художник Ханс-Дитер Шаль). На сцене большую часть времени находится только один предмет. Это что-то вроде маленькой сцены на сцене, которая превращается то в сказочную планету, то в каморку Золушки-Пташки, то в огромный платяной шкаф. Может быть, в самой хореографии не хватает привычной для балетов Прокофьева «классики», не хватает симметрии в каждый отдельный момент танца (ее, на мой взгляд, требует «идеальная» музыка балета). Но зато остроумные находки из области современной хореографии ни на миг не дают отвести взгляд от сцены. Новая постановка — один из редких случаев, когда радикальное изменение авторского сценического замысла не искажает, а, напротив, к радости зрителей, обогащает и углубляет восприятие музыки и сюжета.

Виктория Губайдуллина,
студентка IV курса

БЛЕСТЯЩЕЕ ТРИО

Вот и осталась позади фестивальная неделя, посвященная празднованию 140-летия Московской консерватории. Отгремели овации и поздравления, а незабываемые впечатления от вечеров, проведенных вместе с выдающимися музыкантами, остались лишь в воспоминаниях. Однако концерты, приуроченные этой знаменательной дате, продолжают. И принимают в них участие не только прославленные исполнители, но и молодые, только начинающие свой творческий путь студенты и аспиранты консерватории.

На одном таком концерте (из серии «Звезды оперной сцены») довелось побывать автору этих строк. Многих меломанов, собравшихся 19 октября в Малом зале, привлекла, в первую очередь, интересная и разнообразная программа. Вместе с аспиранткой Еленой Максимовой (класс проф. Л.А. Никитиной), солисткой музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (меццо-сопрано) и Екатериной Ганелиной (фортепиано) почитатели вокальной музыки совершили увлекательное путешествие по странам Европы. Испания, Италия, Франция, и, конечно же, Россия — словно в калейдоскопе пронеслись перед слушателями.

Вечер открылся вокальным циклом «Испанские песни» Д.Шостаковича, что напомнило о еще одном юбилее, отмечаемом в нынешнем году. Вслед за

Шостаковичем последовали испанские песни Мануэля де Фальи. Второе же отделение было посвящено «хитам» оперной классики, без которых не обходится ни один меццо-сопрановый репертуар. Среди них — знаменитая «Хабанера» из оперы «Кармен» и каватина Розины из «Севильского цирюльника».

Стилистически пестрая программа таит немало сложностей для исполнительницы. Здесь необходимо не только актерское умение быстро перевоплощаться и входить в тот или иной образ, но и настоящее вокальное мастерство в преодолении технических трудностей. Кое-где откровенно не хватало красок и выразительности, а в некоторых местах хотелось бы слышать более мягкий, менее «агрессивный» вокальный звук. Создалось впечатление, что Максимова все исполняла как бы «крупным мазком», не вдаваясь в подробности. А зря! Ведь музыка Шостаковича, а особенно де Фальи при более филигранной проработке только выигрывает. Это именно та музыка, которую надо словно яблочко на блюдечке «преподносить» публике, иначе все это великолепие останется непонятым обычной аудиторией. Ведь после концерта люди должны воскликнуть: какая прекрасная, а не какая сложная музыка! Более того, Шостаковича и Россини нельзя петь «одинаковым» голосом, а арии Верди не исполнить, как песни де Фальи. И в целом,

надо отдать должное, певица справилась с поставленными задачами вполне успешно, бурные овации зала, многочисленные выходы на «бис» — лучшее тому подтверждение. Это был настоящий «дуэт» для голоса и фортепиано — такое единение солистки и концертмейстера большая редкость. Единство дыхания и полное взаимопонимание напомнило знаменитые дуэты Ф. Диска — Д.Мур, А. Мартынов — В. Худолей, Е.Образцова — В. Чачава.

Украшением и кульминацией концерта стало выступление другого аспиранта тенора Михаила Векуа (класс проф. А.П. Мартынова), также солиста Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Судя по овациям, которых он удостоился, едва сделав первый шаг на сцену, очевидно, что московская публика уже полюбила и по достоинству оценила талант этого певца. Своим темпераментом, энергетикой и блестящей вокальной школой он буквально «взорвал» зал, исполнив всего лишь одну арию Хозе из «Кармен». За ней последовала заключительная сцена из знаменитой оперы в качестве великолепной коды концерта. Исполнителей в течение получаса не отпускали со сцены, не желая расставаться с блестящим «трио»: Векуа—Максимова—Ганелина.

Светлана Косятова,
студентка IV курса

MOZART SAKRAL

«Единственная музыка, написанная доселе, которая не прозвучит неуместной в устах Бога»... Как вы думаете, о каком композиторе говорил Бернард Шоу? Бах? Гендель? Думаю, вариант Шоу окажется самым неожиданным — это Моцарт. Именно так можно объяснить популярность грандиозного фестиваля, проходящего весь 2006 год в Австрийских городах Вене и Зальцбурге — «Mozart sakral» — «Моцарт священный», целиком посвященного музыке Моцарта.

Находясь в Вене или Зальцбурге, убедиться в этом очень просто. Все, что необходимо — это проснуться в воскресенье пораньше и отправиться на службу в любой собор этих городов. Моей целью было величественное готическое здание — кафедральный собор Вены, Stefansdom-Kirche. Именно в этом храме Моцарт получил должность кантора незадолго до своей смерти. Теперь здесь звучит его музыка. В тот день — месса C-dur «Коронационная», KV 317. Войдя в храм, понимаю — слушать мессу (как на концерте) пришла только я. Все остальные пришли участвовать в литургии. У каждого в руках молитвенник и листок с нотами песнопений, которые прозвучат на богослужении. А как же Моцарт?

Оказывается, не все сразу. Сначала должна прозвучать великолепная органная импровизация, сменившаяся молитвой священника и лишь затем — моцартовские Куге и Gloria в исполнении хора и оркестра, «скрытых» справа от алтаря. И —

о, чудо! — tutti, обилие C-dur'a, которые смущали меня в этих частях мессы, вдруг совершенно не показались чужеродными! Скорее, напротив, органично вписались в атмосферу всеобщего возвышенно-восторженного настроения начала службы.

Затем — снова молитвы священников, перемежающиеся пением хоралов в сопровождении органа... Казалось, что поет сам собор! И когда вновь настала очередь Моцарта, весь храм будто стал подпевать ему — от Credo до Agnus Dei (божественное соло сопрано!), собор ожил и зашевелился, устремляясь под пение хора к алтарю, на причастие. Вот и конец службы. Все лица светятся счастьем, подкрепляющимся ликующим финалом мессы Моцарта «Dona nobis pacem» — «Даруй нам мир».

Чем объясняется такое естественное звучание его музыки во время богослужения? Да тем, что он писал ее именно для такого исполнения! А не для концертного зала, и уж тем более не для записи на компакт-диск. А, значит, он прекрасно понимал, что роль его сочинения — поддерживать настроение возвышенного восторга. Вот где разгадка утверждения Бернарда Шоу! Его хочется дополнить высказыванием известного богослова Карла Барта: «Я не вполне уверен в том, что ангелы, намереваясь воздать хвалу Господу, играют именно Баха, но я уверен вполне, что друг для друга они играют Моцарта, и Господь радуется, слушая их»...

Карина Зыбина,
студентка IV курса

